



Памяти барона Н. Н. Врангеля.

15 декабря минуло полгода со дня кончины въ Варшавѣ барона Николая Николаевича Врангеля. Полный силъ, въ продолжавшемся развитіи своего таланта и въ разгарѣ своей литературно художественной дѣятельности, сошелъ онъ въ могилу. Его неожиданная, его напрасная смерть не только огорчила его друзей, но и горестно отозвалось въ сердцахъ людей, его лично не знавшихъ, но знакомыхъ съ его трудами на страницахъ спеціальныхъ изданій и для устройства выставокъ по исторіи искусства... Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и пишущій эти строки. Мимолетная и случайная встрѣча съ барономъ Врангелемъ не даетъ возможности говорить о живомъ впечатлѣніи отъ его личности, о ея характерныхъ чертахъ... Но тутъ выводитъ изъ затрудненія одно изъ изреченій Вольтера который сказалъ, что есть книги и статьи, читая которыя *впервые* испытываешь чувство пріобрѣтенія друга, а когда *перечитываешь*, то встрѣчаешь уже стараго друга. Авторомъ такихъ друзей былъ покойный Врангель, становившійся близкимъ и дорогимъ по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ тѣмъ, что онъ писалъ. Необходимыя и въ то же время рѣдкія для этого свойства онъ вмѣщалъ въ себѣ полностью. Во первыхъ, онъ обладалъ не только *ученостью*, но и *знаніемъ*, что гораздо важнѣе, ибо первая почерпается изъ книгъ, а второе изъ опыта—и небольшая частица послѣдняго несравненно дороже, по своимъ результатамъ, значительнаго количества первой. Большая часть трудовъ Врангеля была разработкой его личнаго воспріятія и непосредственнаго наблюденія—и это придавало особую осязательность тому, что онъ описывалъ. Онъ какъ бы говорилъ своему читателю: „пойдемъ, посмотримъ вмѣстѣ на то, что я встрѣтилъ и видѣлъ“...

Во-вторыхъ, онъ умѣлъ избѣгать ошибки многихъ писателей,—мнящихъ себя и художниками,—состоящей въ оставленіи

читателя равнодушнымъ къ предмету повѣствованія, начиная его умъ всякими данными и свѣдѣніями и не возбуждая отклика въ его сердцѣ. Напротивъ, его труды дѣйствуютъ особенно сильно живостью чувства, теплотой и искренностью тона. Знакомя съ содержаніемъ дневника юности старой дѣвицы Налетовой, умершей 92 лѣтъ отъ роду, найденнаго имъ въ уцѣлѣвшемъ отъ времени барскомъ домѣ, въ затѣйливомъ бюро „крѣпостной работы“, онъ говоритъ: „бумага тетрадки слегка пожелтѣла, шуршала какъ-то грустно и сердясь,—и неровный женскій почеркъ бѣжалъ со страницы на страницу. Я сѣлъ въ кресло и принялся читать“... и кончаетъ такъ:.. „всѣ вы жили, радовались, печаловались, мечтали и любили. Всѣ вы маленькіе и большіе, значительные и незначительные, думали ли вы, что когда-нибудь будутъ читать вашу жизнь? Я, надѣюсь, не оскорбилъ ее. Я позволилъ себѣ развернуть страницы вашего маленькаго существованія, которое насъ теперь такъ занимаетъ. Бѣлая, простая бумага и простыя чернила, которыми, скрипя, наносило ваше гусиное перо ваши слова и мысли, быть можетъ, казались прежде ненужными и незначительными. Но намъ они нужны, нужны потому, что у насъ слишкомъ мало своей личной, наивной жизни. Простите меня, если я позволилъ себѣ къ вамъ вторгнуться“.

Въ-третьихъ, ему свойственно было искусство собирать свои наблюденія, несмотря на ихъ обиліе и разнообразіе, въ одно сжатое цѣлое, совокупляя ихъ въ яркой картинѣ, пестрой по краскамъ, единой по проникающей ее мысли. Устраняя въ своихъ изображеніяхъ, въ передачѣ своихъ ощущеній все не идущее къ дѣлу, излишнее и второстепенное,—совершая то, что французы называютъ *l'élimination du superflu*,—онъ всецѣло завладѣвалъ вниманіемъ читателя и подчинялъ его своему дару художественнаго внушенія. Въ своихъ чудесныхъ описаніяхъ старыхъ помѣщичьихъ усадебъ онъ такъ опредѣляетъ свою задачу: „Въ усадьбахъ—въ очагахъ художественнаго быта—важны не подробности, не частности, а все то общее—краски, звуки и фонъ, которые, взятые вмѣстѣ, создаютъ нѣчто знаменательное и важное. Въ этомъ вся русская жизнь: въ сліяніи многихъ разрозненныхъ элементовъ, которые и даютъ въ цѣломъ то своеобразное обаяніе, которое поработаетъ всякаго въ русской деревнѣ. И нельзя отдѣлить дома отъ деревьевъ его осѣняющихъ, птичьяго говора отъ игры красокъ на узорахъ стѣнъ, блеска мебели въ комнатахъ отъ шопота листьевъ за окномъ и

нѣмого разговора портретовъ отъ тихой думы старинныхъ книгъ на полкахъ и отъ хриплаго кашля часовъ на стѣнѣ“.

Давно уже замѣчено, что у насъ нѣтъ вчерашняго дня. Отъ этого такъ безсодержателенъ, по большей части, день настоящій, и такъ неясенъ и тонетъ въ лѣниво-стелющемся туманѣ день завтрашній. Вооружившись надлежащими знаніями и памятью, можно описывать прошлое съ большой подробностью и точностью, возбуждая къ нему холодное вниманіе чуждаго ему читателя. Но напоминаніе о такомъ прошломъ проходитъ обыкновенно безслѣдно, давая лишь матеріаль въ лучшемъ случаѣ для справокъ и цитатъ, а въ худшемъ для лицемѣрнаго пафоса. Можно уснастить — бесплодно и механически — умъ и память читателя множествомъ этнографическихъ, историческихъ и археологическихъ данныхъ, вплетя ихъ въ беллетристическую ткань — и все-таки не дать ему прочувствовать то, о чемъ такъ старается авторъ. Стоитъ вспомнить безцвѣтную „Дочь египетскаго царя“ Эберса или „Харикла“ и „Галла“ Беккера и сравнить ихъ съ „Саламбо“ Флобера или съ „Quo vadis“ Сенкевича, въ которыхъ картина античной жизни оживаетъ съ наглядностью дѣйствительности. Въ своемъ дневникѣ Goncourt говоритъ: „Il faut pour s'intéresser au passé qu'il nous revienne dans le coeur. Le passé qui ne revient que dans l'esprit est un passé mort“. И вотъ именно способностью видѣть въ своемъ сердцѣ прошлое и развернуть его въ мастерскомъ изложеніи передъ читателемъ и отличался покойный Врангель. Въ его трудахъ прошлое оживало съ силой настоящаго; давно умолкшая жизнь возставала во всѣхъ своихъ тонкихъ очертаніяхъ и изгибахъ. Въ стѣнахъ старыхъ усадебъ, запущенныхъ садовъ и заросшихъ прудовъ начиналъ биться пульсъ живого организма, и то, что въ далекомъ прошломъ было общаго съ чувствами, скорбями и надеждами настоящихъ поколѣній, вдругъ возставало изъ-подъ наслоеній времени; между описаніями мѣстъ, привычекъ и бытовыхъ особенностей, — раздѣленныхъ иногда значительнымъ пространствомъ и временемъ, — возникала невидимая и прочная связь, и цѣлая картина и характеристика бытового уклада слагалась сама собою между этими отдѣльными описаніями. Такъ, въ палеонтологіи по отдѣльнымъ костямъ и позвонкамъ слагается образъ вымершаго животнаго, и намѣчаются родственныя черты его съ нынѣ существующими. Врангель отличался удивительнымъ умѣніемъ заставить читателя переживать то время, которому бывали посвящены его описанія, — умѣніемъ проникновенно раскрывать тѣ стороны замолкшей жизни, ко-

торыя придавали ей своеобразную красоту. Въ этой способности вникнуть глубоко въ прошлое, оживить его, сдѣлать его понятнымъ, и, будучи далекимъ *потомкомъ*, стать *современникомъ*—сказывалась своего рода *поэтическая интуиція*, обращенная при этомъ не въ *будущее*, а въ *прошедшее*.

За исключеніемъ „Войны и мира“ и, быть можетъ, „Капитанской дочки“, трудно найти такую ретроспективную интуицію въ нашихъ историческихъ разсказахъ и романахъ, хотя, казалось бы, гдѣ же ей и быть, какъ не тамъ? Романы Данилевскаго, дерзновенно выступившаго послѣ великаго произведенія Толстого со своей „Сожженной Москвой“,—Лажечникова, Загоскина и др. могутъ заинтересовать читателя своимъ содержаніемъ и нѣкоторыми подробностями, но оставляютъ его чуждымъ описываемому времени и не продолжаютъ его настроенія далеко за предѣлы послѣдней страницы книги. Надо, впрочемъ, замѣтить, что наша критика до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія не предъявляла въ этомъ отношеніи какихъ-либо пожеланій къ художнику, ограничиваясь оцѣнкой произведенія всего чаще съ точки зрѣнія узко-эстетической или восхищаясь его наставительнымъ характеромъ. Знатокомъ и цѣнителемъ искусства и литературы считался въ это время президентъ Академіи Художествъ Оленинъ, но вотъ какъ въ письмѣ къ Загоскину выражаетъ онъ взглядъ современной ему критики на задачи выполненія историческаго романа:

„Я въ восхищеніи отъ вашего романа. Выборъ предмета и времени, характеръ дѣйствующихъ лицъ, гладкость слога, пристойность выраженій въ самыхъ низкихъ людяхъ; сила и краснорѣчіе, безъ всякой надутости, въ людяхъ высокаго званія или высокихъ чувствъ; игривость, важность и занимательность, а при томъ истина и природа во многихъ неожиданныхъ явленіяхъ; все это заставляетъ иногда думать, что ваша повѣсть не выписана ли изъ какой-нибудь лѣтописи, составленной современникомъ или самовидцемъ сей знаменитой для Россіи эпохи? Рѣчь Минина на площади нижегородской внушена автору чистою любовью къ отечеству. Смерть боярина Шалонскаго и кончина юродиваго Мити показываютъ чистоту христіанскихъ правилъ сочинителя. Умѣренность въ порицаніи и насмѣшкахъ, а, напротивъ того, отданіе должной похвалы непріятелямъ нашимъ доказываютъ безпристрастіе и справедливость автора. Однимъ словомъ, сей романъ долженъ быть пріятенъ для всѣхъ сословій русскаго народа“.

Возвращаюсь къ Врангелю. Ретроспективная интуиція,—это

проникновеніе въ прошлое—не можетъ однако ограничиваться прочувствованнымъ сознаниемъ этого прошлаго во всей его совокупности, въ томъ его состояніи, которое характеризуется трудно переводимымъ итальянскимъ словомъ *ambiente*, означающимъ одновременно среду, условія, обстановку и т. п. Въ сознаниіи художника должны возникать не только картины минувшаго, но и вытекающіе изъ нихъ выводы. И такимъ образомъ онъ невольно становится изъ отдаленнаго современника историкомъ въ настоящемъ. Такимъ историкомъ былъ и покойный Врангель. Въ своеобразной формѣ своихъ очерковъ онъ осуществлялъ задачи исторіи, какъ онѣ намѣчены еще Цицерономъ, и являлся не только свидѣтелемъ прошлаго (*testis temporum*) и хранителемъ памяти о немъ (*vita memoriae*), но и вдумчивымъ его, со своей точки зрѣнія, истолкователемъ (*lux veritatis*). Въ своемъ „Вѣнкѣ мертвымъ“ онъ говоритъ: „Въ хаосѣ явленій четко и явственно вырисовывается основная черта русскаго характера, русской исторіи и русскаго искусства. Неожиданное, непослѣдовательное, иногда новое, но всегда несходное со вчерашнимъ, крайность противъ крайности, вычурность противъ простоты, геніальность противъ убожества—вотъ характерныя черты, такъ вѣрно названныя „самодурствомъ“. Это выразительное слово могло бы стоять въ заголовкѣ всей исторіи русской культуры. Въ хорошемъ и въ скверномъ значеніи его, въ прихотливой ли грезѣ, въ необоснованномъ чудачествѣ или въ кровавомъ выступленіи, но почти всегда и неизмѣнно самодурный духъ русскаго человѣка объясняетъ его поступки и его творчество. Въ этомъ сила и слабость наша, въ этомъ наше уродство и красота, наша близость къ землѣ и къ небу. Озираясь назадъ на пройденный путь, можно уловить эту красную черту нашей исторіи. Многое становится яснымъ, многое упрощается, и современная жизнь во всѣхъ ея ликахъ кажется уже отнынѣ только повторнымъ явленіемъ, выраженнымъ въ новой формѣ“.

Прошлая русская жизнь представляла много мрачныхъ сторонъ, которымъ мѣсто не только въ обвинительномъ актѣ исторіи, но и въ дальнѣйшемъ ея приговорѣ. Но въ ней были и свѣтлыя стороны. Забывать ни тѣ, ни другія не слѣдуетъ. Забвеніе первыхъ грозитъ ихъ повтореніемъ лишь въ иной формѣ въ будущемъ; забвеніе вторыхъ, пренебреженіе къ нимъ было бы несправедливостью. Врангель возбуждалъ чувство любви къ послѣднимъ, рисуя ихъ съ безпристрастіемъ судьи и изяществомъ художника. Онъ, повидимому, раздѣлялъ взглядъ

Герцена на невозможность огульного отрицанія прошлаго. „Цѣлая пропасть“, говоритъ послѣдній, „лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ, и сердце еще плачетъ и прощается, когда холодный разумъ уже приговорилъ и казнить“. Давая яркое и всестороннее изображеніе крѣпостной Россіи и слагая изъ мелкихъ цвѣтныхъ камешковъ цѣлую мозаичную картину помѣщичьяго быта, Врангель находилъ, что въ этой повѣсти о прошломъ есть какая-то особенная, быть можетъ, только намъ однимъ понятная прелесть: прелесть грубаго дубка, чудо простонародной грубой рѣчи, сказка пѣсенъ, пропѣтыхъ въ селѣ, ухарство русской пляски— и все это на фонѣ античныхъ храмовъ съ колоннами, увѣнчанными капителями іоническаго, дорическаго или коринтскаго орденовъ“. Вся эта культура, весь этотъ бытъ, все это прошлое, столь близкое по времени, съ каждымъ годомъ, какъ ему казалась, удаляется отъ насъ на нѣсколько столѣтій и потому-то, по его замѣчанію, такъ нѣжно ласкаетъ и манитъ насъ старая повѣсть о дѣдушкахъ и бабушкахъ, объ арапахъ и сѣнныхъ дѣвушкахъ, о мебели изъ краснаго дерева и о домахъ съ колоннами на берегу сонныхъ прудовъ...

Можно не соглашаться со взглядомъ Врангеля на коренное начало нашего быта, находя его одностороннимъ, но нельзя не отдать покойному справедливости въ умѣнїи иллюстрировать свою мысль. Стоитъ въ этомъ отношенїи прослѣдить начертанные имъ образы русской женщины изъ „общества“ отъ Петра Великаго до Александра II,—прочестъ исполненную захватывающей грусти послѣднюю страницу его „Помѣщичьей Россіи“,—побродить вмѣстѣ съ нимъ среди памятниковъ еще недавней жизни и быта нашей родины... Историкъ и художникъ прошлаго, если только онъ не замкнулся въ мертвую объективность,—если не „зритъ спокойно на правыхъ и виновныхъ“ и не остается „къ добру и злу постыдно равнодушенъ“ — не можетъ совершенно освободиться отъ личныхъ чувствъ. Достаточно вспомнить Эдгара Кинэ и Луи Блана, Тэна и Карлейля въ ихъ совершенно различномъ отношенїи къ дѣятелямъ великой французской революціи. А между тѣмъ развѣ кто-нибудь рѣшится отнять у нихъ заслуженное имя глубокихъ мыслителей и историковъ. Несвободенъ отъ этого и Врангель, говоря о „тѣняхъ прошлаго“, тѣмъ болѣе что въ его восприимчивой душѣ умѣли жить рядомъ и любовь и праведное негодованіе. Его „Вѣнки мертвымъ“ иногда переплетены, быть можетъ, излишними розами или скрываютъ въ себѣ больно вонзающіеся

шицы. Въ разнообразныхъ своихъ очеркахъ онъ не разъ возвращался ко времени и образу „веселой дочери Петра“, и невольная симпатія сквозитъ въ его словахъ. А вѣдь это время богато именно темными сторонами самодурства съ отбѣнкомъ большой жестокости. Языкъ несчастной Натальи Ѳедоровны Лопухиной, соперницы „веселой“ Императрицы по части миловидности и изящества, хотя и вырѣзанный послѣ пытки и битья кнутомъ, — громко говоритъ объ этомъ. Недаромъ графъ Никита Панинъ въ докладѣ Екатеринѣ II такъ опредѣлялъ царствованіе Елисаветы: „сей эпокъ заслуживаетъ особаго примѣчанія: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніемъ въ дѣлахъ“. — Зато какимъ осадкомъ возмущеннаго чувства проникнуты слѣдующія неоднократно высказываемыя мысли Врангеля: „Нѣмецкая культура по свойствамъ своего характера неспособна ужиться съ русскимъ духомъ. Получается сплавъ русскаго самодурства съ тою закономѣрностью, которая никогда не можетъ и не могла привиться у насъ и которую такъ тщетно и такъ зло, озвѣрѣвъ отъ отчаянія, пытались утвердить нѣмецъ Биронъ и онѣмеченный Аракчеевъ. Нѣмецкая выучка не столько переродила, сколько изувѣчила многихъ русскихъ, являясь пыткой для нашихъ лежебоковъ, а не полезнымъ воспріятіемъ. Только какъ результатъ этого сплава могъ появиться графъ А. А. Аракчеевъ — типъ русскаго самодура, помноженнаго на озвѣрѣлаго западника, — отечественный изувѣръ, вышколенный нѣмецкими солдатами“...

Нужно ли говорить объ артистической формѣ, въ которую выливались изслѣдованія Врангеля, о чувствѣ природы, этой *gefühl nach dem ragen*, которымъ они проникнуты, — о его тонкихъ психологическихъ замѣчаніяхъ, рисующихъ глубокую наблюдательность? Говоря, на примѣръ, о послѣднемъ портретѣ Кипренскаго, работы Томилова, Врангель отмѣчаетъ, что знаменитый художникъ изображенъ усталымъ и обезсиленнымъ въ борьбѣ съ жизнью, съ той полугрустной полузлой усмѣшкой, которая развивается у людей, чувствующихъ свою гибель, но не имѣющихъ силъ побороть себя. — Нужно ли, наконецъ, говорить о пламени ума, бѣгущаго по его строкамъ? Бѣрне гдѣ-то сказалъ, что есть люди, скупые на умъ, какъ другіе на деньги. Въ этомъ отношеніи покойный былъ очевиднымъ расточителемъ. Но у насъ подобнымъ *расточителямъ* живется по большей части тяжело, да и смерть уноситъ многихъ изъ

нихъ, не давъ имъ развернуться во всю ширь ихъ дарованій. Такъ случилось и съ Врангелемъ. Остается лишь слабое утѣшеніе, что его краткіе по времени и большіе по содержанію труды не будутъ забыты, и что къ нему окажется возможнымъ примѣнить изреченіе поэта: „Не всякій живъ, кто дышитъ,—но и не всякій мертвъ въ гробу“!..

А. Ө. Кони.

